

Михаил Сопин

**НА ЧЕРНЫХ
СКАЛАХ
БЫТИЯ**

1966-1970 г.г.

Вологда
2007

**Как я прожил все годы эти?
Без политических горилл
Я сам себя
На белом свете
Усердьем каторжным творил.**

Михаил Сопин.

СОТВОРЕНИЕ СЕБЯ

Нередко мне приходится читать и слышать рассуждения, что творчество Михаила Сопина начинается в Вологде. Не отрицая значимости этого замечательного культурного центра начала 80-х годов прошлого столетия, хочу заметить, что это все же не так. Да, поэту здесь помогли отточить литературное мастерство, здесь вышла его первая книга стихов. Но обрел свой голос он много раньше – по сохранившимся источникам, это можно отнести к 1966 году (подлинник первой лагерной тетради).

В 1965 году после десяти лет пребывания в зоне его переводят на поселение. О том, что такое зона, написано много, но послушаем Михаила Сопина:

«Во всех лагах была одинаковая система уничтожения человека. Нужно было не просто рубить лес, колоть уголь, руду, корежиться в своем свиньячем быту, нужно было помнить, что это навечно. То есть влезать в отмякшую за ночь робу, идти чуть свет на пятидесятиградусную стужу, смерзаясь с этой робой, долбить ломом до полного оупения, до глубокой темени, чтобы свалиться, оттаивать. А с утра все сначала. Не день, не два, не месяц, не год, а годы, десятки лет...»

И вот – некое послабление режима: можно ходить без конвоя, в свободное время любоваться таежной речкой Тимшер, даже в одиночестве жечь костер, хотя покидать пределы означенной территории запрещено (а бежать и некуда – вокруг непроходимая заболоченная тайга). Можно писать, но тетрадь Михаил все время носит при себе (чтобы не надругались, не использовали на курево). Живет в общей казарме.

Напомним, что автору 35 лет. Позади война, бродяжничество, лагерь и... практически никакого приличного образования и общения.

В дневниковых записях от февраля 1966 года меня поразила деталь: в 21 час (детское время!) положено гасить электричество, иначе пойдет надзиратель и сделает замечание. Но автор не очень-то придерживается правила и продолжает писать при свете под недовольное ворочанье сотоварищей по казарме, натягивающих одеяла на головы... Им ни свет ни заря на работу. Однако молчат, позволяют.

А вот еще одна заурядная деталь быта поселения: убили человека. Праздное любопытство окружающих. В это же время Сопин пытается написать единственный сохранившийся рассказ «Аксен» - тоже про смерть, и тоже про полное равнодушие к ней причастных: провокатора, невольного убийцы, да, пожалуй, и жертвы... Остальные – неясные копошащиеся «на обочине действия» фигуры, без лиц и имен. У следователя тоже нет лица – это функция.

Обращение к слову становится для него единственной возможностью уйти от животного состояния, который он ненавидит в себе и в окружающих всей душой:

«Мы пришли в Человека из небыли, как приходят из страшных сказок...»

Дневниковых записей немного. Очень скоро они переходят в стихи, и интересно, что раньше мастерства слова к Михаилу приходит нащупывание мелодии стиха. Еще в дневнике упоминание о музыке встречается неоднократно:

«Боже! Как я люблю музыку! Опять Шопен не дает писать. Заплакать, что ли...»

И вот теперь он ищет созвучия в единственно доступном ему здесь виде искусства. С точки зрения строгой поэзии тексты еще весьма слабые, но вот рифмы почти всегда точны. Когда я разбирала эти полустершиеся записи, порой восстанавливала неясное слово по рифме. Если есть такие-то буквы в парном слове - значит, должны быть и в непонятном.

Однако показательно, что в 1966 году было написано одно из лучших стихотворений раннего периода: «Поземкой замечает тротуары».

Порой удача - только один абзац, который, впрочем, можно считать полноценным стихотворением:

Не повторю
Мгновений тех,
Ошибок
И противоречий,
Как не смахну рукою снег,
Когда-то падавший на плечи.

А иногда только одна строчка:

«Полями одежда бежит пустая...»

Характер его лирики уже очевиден - она без нагромождений, нередко песенная, прозрачна настолько, что может казаться примитивной... Но кто не смотрел на воду, желая мысленно повторять за поэтом:

Уносит, уносит
Речная вода,
Уносит не листья -
Уносит года...

(Мотив быстротекущей воды у него появится еще не однажды - например, в позднем: «Моей судьбы усталый челн унесит к краю водопада...»)

Вода, небо, туман, огонь - вот что доступно человеку всегда, не зависимо от социального и материального положения. Пока лучше всего поэту, пожалуй, удаются стихотворения о природе - в ней он излечивает душу:

Нас трое: карандаш, тетрадь и я.
Мы делаем одно и то же дело:
Вот строчкою в тетрадь
Легла хвоя...

Здесь много созерцательного, природа описывается настолько скрупулезно, что по этим описаниям можно рисовать картины в духе художников-передвижников, только пейзаж невесел. Впрочем, поэт и тут находит красоту даже романтическую:

Да ветер осенний,
Бегущий в костер,
Валежник горящий
В дыму распростер...

«Я полюбил тот край, в котором я живу», - признается он в другом стихотворении.

Дневниковый характер стихов подчеркивается точной датировкой, которая появляется не сразу. Видимо, поэту стало важным расставлять указатели времени. Тогда же впервые появляется характерная для этого автора рваная разбивка стихов (с акцентированием в одной строке порой всего одного слова).

Заметен уход в нечто колдовское, в сны, преимущественно страшные. Поздний Михаил Сопин от этого уйдет, хотя феерический фон обобщения останется даже в таких сугубо реалистических произведениях, как поэма «Агония триумфа» начала девяностых: «Раздувается зал, достигая размеров страны...»

В 1967 году - первое выступление Михаила Сопина в печати. Стихотворение «Воронья кобылица» было напечатано в ведомственной газете «Лесник Прикамья» друзьями поэта в его поддержку и, как они говорили, по идеологической близорукости редактора: тот не понял, что воронья кобылица - это и есть Россия, а то, что поэт заключенный, редактор так и не узнал. Позднее этот образ трансформируется, у Сопина еще появится «Кобылица», но уже другая: «И мнет коваль, и бьют копыта в лица - у кобылицы выбиты глаза».

В 1968 лагерном году начнется новый период в творчестве поэта, резкое повышение мастерства. Михаилом Сопиным будет написан любовный цикл «Лицо святое светлое твое», который, думаю, еще ждет своей оценки. А сейчас перешагнем сразу через два года – в весну 1970 года.

Стихи последних месяцев заключения производят странное впечатление. Они становятся бесплотными, как бы на одной длинной непрерывно вибрирующей струне. Почти исчезают краски, признаки живого окружения, а если они и есть, то как бы в отдалении, через пелену: «Но память мутится, пылится, не принимая никого...», «И мы все реже стали, реже встречаться в памяти размытой...»

Будто автор и не смотрит вокруг - то ли он уже в иной реальности, то ли в будущем; оторвался от мира и плывет в отдельной лодке неизвестно куда.

Думается, это уникальный случай фиксирования состояния души именно в этой жизненной ситуации: бесконечно затянувшееся ожидание свободы, и чем она ближе, тем невыносимее и тревожнее ждать. В холодную воду лучше окунуться сразу. Известны случаи, когда нервы заключенных не выдерживали именно в последние месяцы и даже дни: много лет человек сидел - и ничего, а буквально накануне обретения свободы сорвался в побег и получил новый срок, либо покончил с собой. Впрочем, это может быть связано еще и со страхом самого факта расставания с лагерем. Незнакомый мир панически пугает, человек от него отвык, инстинктивно он тянется туда, где пусть плохо - но привычно.

Михаилу Сопину это не грозит: он достаточно разумен, имеет жизненную цель (найти свое место в поэзии), знает, куда ему ехать, где его ждут. И все же состояние неопределенности, баланса на грани жизни и смерти несомненно. О смерти он думает спокойно, вполне уверенный в бессмертии своих стихов:

Когда вторая жизнь
 Во мне воскреснет,
 Придет пора,
 Я запою причудливую песню
 Бессмертных трав.
 В их шепоте
 Останется нетленным
 Мой странник-дух.
 И листья лет
 Падут из древа века
 На мертвый грунт.
 Я стану тенью,
 Легендарной Меккой.
 Но не умру.

Этой уверенности у него не будет даже на пороге настоящей смерти. Есть мнение, что молодым идти на смерть легко - им еще нечего терять. 38-летнего Сопина молодым не назовешь, но обретение его в свободной жизни еще не состоялось, а тюрьму терять и в самом деле не страшно. Отсюда - удивительная цельность в восприятии жизни и смерти как единого духовного цикла. Полная завершенность «таинственного жизнесмертья» (термин, придуманный поэтом позднее - он это состояние не забудет!):

Брани меня, люби меня,
 Превозноси,
 Низвергни в бездну,
 Пока я искоркой огня
 В безбрежье мира не исчезну,
 Пока судьба моя - не «были»,
 И сердце бьет еще рывками,
 И музыка души -
 Не пыль,
 Спластавшаяся
 В мертвый камень.

Говорят, если человек физически голодает, организм напрягается для выживания, а чувства обостряются. В таком состоянии религиозным пророкам являются видения, а у больных даже излечиваются недуги.

Михаил Сопин в полной мере испытал голод духовный. Но хотя иногда он и упоминает Бога, настоящей религиозности в нем нет. Он видит себя не «под Богом», а рядом с ним, и многое ему не прощает: «Мне нужен мир без крови и без слез - но Бог и время против нас восстали» (из позднего). Его Бог и религия - поэзия. В ней он видит исцеление, в ней обращается к потомкам:

Но знаю:
 Все же
 Блуждающий,
 Такой как я,
 Мой силуэт увидеть сможет
 На черных скалах бытия.
 1970 г.

Контрастом звучат несколько весенних стихотворений - они снова полны жизни, веры в нее, и, как лучи солнца сквозь тучи, прорываются, вспыхивая и озаряя своим светом все вокруг, вот такие строки:

О, песнь любви
Не может быть не спетой!
Века, века,
Пока ты вся-
Как тихий ветер света
Жива, легка.
Из склепа лет,
Сквозь сталь в окне темницы
Ты мне видна.
К тебе,
К тебе душа моя стремится,
Ты всё - одна!

В последние недели перед освобождением он почти не писал. Говорил - не мог. В апреле 1970 года - ничего, маем датированы только два стихотворения. Поэзия все же требует сосредоточения в себе, а тут все рушилось, менялось, устремлялось в будущее...

Татьяна Сопина.

ИЗ «НЕБЫЛИ»

(Отрывки из дневника 1966 года)

16 июля.

Какие-то странные и страшные мысли... Такие путаные-перепутанные. Иногда, правда, я понимаю, какие именно, но только иногда, и только на какое-то мгновенье, а потом, потом начинается такой сумбур, что, право, трудно найти всему тому, что творится в усталом мозгу, какое-либо подходящее название.

Пытаюсь ли я найти причину этому, разобраться в себе самом? Да. Пытаюсь. И в меру своих знаний, своих возможностей и способностей открываю, нахожу причину, порождающую в моем существе меланхолию, ипохондрию и пр. пр.

Годами - да что там годами - это можно назвать десятилетиями - одно и то же: тяжелый физический труд, а скорее... Труд, труд, труд! Интересно, что если начать произносить это слово вслух, долго-долго? Что получится? На каком разе оно, это слово, надоеет, а? Ведь устанешь произносить - верно? О да, конечно, устанешь! А делать? Каково, а? Делать одно и то же сколько можно?

Животные, некоторые, всю свою жизнь делают одно и то же... Правда, у них перед человеком есть преимущество - они животные. Собственно, мы тоже в некоторых случаях - животные.

Вот, например, я - что я?

(Я сознательно о себе говорю не «кто», а «что»)...

17 июля.

Если не считать одного незначительного разговора, то день прошел... ах, да что там...

18 июля.

... И теперь я гляжу молчаливо

В то, что было, чего больше нет.

Постоянное ощущение душевной пустоты. Хочется выть - в полном смысле слова. Объяснять свое состояние некому и незачем. Иногда, правда, я нет-нет, да и поговорю с М., но... но, очевидно, он меня не поймет. Конечно. Потому что я и сам себя, если понимаю, то с великим трудом.

Да, я испытал нечто такое (состояние), чего, пожалуй, больше в моей жизни не будет. Боже мой! Я не нахожу себе места. Но все пройдет, и это самое страшное. А пока - пока я полон музыки, она переполняет меня. Интересно, некоторые любят музыку так, что могут объяснить, как они любят. Я тоже люблю музыку, но объяснить - свыше моих сил. Она очаровывает, обволакивает душу, сердце, мозг

какой-то необъяснимой, неземной силой мечтательности. Я чувствую, что если начать словами выражать чувства, охватывающие меня, когда я слушаю то или иное произведение, то это будет выглядеть скорее как ханжество, чем восхваление.

Хочу писать - а писать-то и некогда. Труд - тяжелый, убивающий мысль в ее зачатии - отнимает все, отнимает меня у меня самого. Страшно. Нет предела моей неизбывной грусти.

Боже! Спаси меня от меня.

20 июля.

Если принято считать, что нежелание жить - слабование и опустошенность, то, значит, у меня и то, и другое. Странно, странно, что окружающая обстановка самым точным образом перекликается с душевным состоянием. Вот уже несколько дней стоит переменная погода. Жара. Духота. И внезапно все меняется. Появляется облачность, ветер, дождь.

Вот так и на душе... То горит огнем - огнем инквизиции, то бушует, то плачет, плачет, плачет, как дождь в осень. Мерзко. Слякотно. Гадко. Вот и все.

Что делать - такой вопрос, очевидно, задавал себе самому не один... Вопрос общий. А ответ давали по-разному.

Боже! Как я люблю музыку! Опять Шопен не дает писать. Заплакать, что ли...

«Утрата» Шопена!

Почему так - мне очень жаль прошлого... Хотя оно ведь тоже не блестяще.

И все-таки, если в текущем жаль прошлого, то или прошлое было прекрасным, или настоящее дрянь.

Вокруг меня люди. Русские люди. Я понимаю их язык, но, но и только... Разговор с ними у меня не клеится. Я устают них. Почему?

Общество - зеркало, в котором отражается личность во всех ее измерениях. Да, это здорово! Это просто... Значит, через личность познается общество, которому она принадлежит. И наоборот.

Отбой. Время - 21 по-местному.

21 июля.

Не знаю, кто, когда и с чего взял, что нужно записывать в дневник только важное. Я буду записывать все, потому что для меня все значимо - что уже прошло, отмучило, отболело. Настоящее не имеет никакого значения. Гете сказал: «Лишь тот достоин...» Но... право, с кем вступать в какой-то бой? Разве что с ветряной мельницей? Мир от неизмеримо малого до совершенного - двуногого чудовища, которого почему-то ему же подобные назвали человеком, функционирует в закономерной последовательности... Значит, «умники» живут за счет «дураков», подлецы - за счет честных и т.д.

Бороться ради самого процесса борьбы?!

Родиться для того, чтобы прожить, вернее, просуществовать какой-то более менее определенный отрезок времени и умереть? О нет! Нет, нет и нет!

Человек и так слишком жесток, слишком ненасытен и кровожаден! И пресловутая формула борьбы за свое счастье это... Это ни что иное, как благословение Иуды Дьяволом. Потому хотя бы, что всю свою «разумную» жизнь отдавать в угоду желудку - это еще далеко не то, что называют «борьбой за картонное счастье». Правда, в такой борьбе что-то есть... Она, например, отвлекает от мысли, а это уже - ого!

Прожить жизнь кастратом мысли, кретином, таким евнухом духа – «благороднее» этого, наверно, и нет ничего. Объегоривать себе подобных, отравлять их и без того жалкое существование, торговать ими оптом и в розницу - это борьба, борьба за свое, личное счастье? В таком случае, пусть мир сгорит сейчас же, немедленно.

Жить - обманывать себя и других? К черту! Не прикаснусь к этим мероприятиям. Ремесло - для ремесленников! Проституировать, вылизывать кому-то зад за то, чтобы быть сытым, с толстым животом - увольте!

Да, все-таки здорово: одни живут, чтобы есть, другие едят для того, чтобы жить.

Надоедливая штука - жизнь.

21 час. А это...

22 июля.

Оказывается, к смерти нужно готовить себя сильнее, чем к жизни. Ух, проститутки! Чавкают и спят. Да они ведь и не просыпались. Ублюдки. Кретины. Ханжи. Остается одно утешение: тяжелее жить - легче умирать. Чем чаще двуногое будет думать о смерти (своей), тем больше его совершенство будет стремиться к бесконечности.

23 июля.

Порок ли, добродетель, закономерность - наличие у человека столь противоречивых мыслей и деяний?

Если порок, то почему сегодняшний порок становится завтрашней добродетелью? Добродетель? Но к ней применимы те же понятия. Остается одно - жестокая закономерность. Значит, в любом двуногом содержится зла и добродетели столько, сколько обусловлено объективной действительностью самой природы, чтобы он был таким, каков есть. Н-да! Вот это здорово! Оч-чень здорово! В таком случае, нормы этики - для кого они?

Полно. Я-то, по крайней мере, знаю, а?

Человеку - зерно. Скоту - мякина.

«Квод лицет ѓви, нон лицет ѓови». (Что положено Юпитеру, то не положено быку).

Все в природе вещей.

...Как грустно мне глядеть в немую полутьму

И горевать, что жив, что я еще живу...

.....

ИЗ ЛАГЕРНЫХ ТЕТРАДЕЙ 1966-67 г.г.

* * *

День далеко-предалеко -
 В другом конце земного шара.
 В сентябрь, во мглу глядят Стожары,
 Луна в купели облаков.
 Тайга. Нигде не слышно шума.
 А мысли светлы и тихи.
 Вот где-то в полночи угрюмой
 Заголосили петухи.
 И снова тишина густая
 И бесконечная невмочь.
 И тучек перистая стая
 Едва заметно тает в ночь.
 И где-то далеко-далеко,
 Скорей в уме, чем наяву,
 Заря вливает в веки окон
 Своим дыханьем синеву.

* * *

Мельтешит
 Березы белой бакен,
 Вписываясь в фон пихтовой сени.
 Ветер,
 Как бездомная собака,
 Трется шерстью мокрой
 В дождь осенний.
 Каркает ворона на осине,
 Черным клювом перья вороша...
 Все-таки и этим ты,
 Россия,
 До щемящей боли хороша!

* * *

И бегут в горизонт бесконечно голубые дожди проводов...

* * *

Голоса...
 Словно филин могучий,
 Обрывая листву на бегу -
 Опрокинуло черные тучи
 Дождевой
 Канителью в тайгу.
 И пошла, загуляла стихия,
 Подминая бурьян под себя,
 И увядшие травы сухие
 Точно мертвую прядь, тербя.
 И березы качало и гнуло.
 И безумствовал ветер невмочь.
 И откуда-то,
 С общего гула
 Надвигалась осенняя ночь.
 Подползла,
 Жалом землю лизнула,
 Словно смерти холодная тень,
 И под сердце ножом полоснула
 В березняк
 Заплутавшийся день.

* * *

Поземкой замечает тротуары,
 Качаются и стонут провода,
 И ветер, шелестя по листьям старым,
 Бежит, как будто память, по годам.
 И вижу я сквозь снежные заносы
 И сетку не желтеющей хвои
 Любимые каштановые косы
 И грустные слегка глаза твои.
 И под окном твоим - три старых вяза,
 Ветвями обнимая синеву,
 Как с давнего прочтенного рассказа
 Передо мной встают, как наяву.

* * *

...Я хотел бы забыться
 От всего и от всех,
 Я хотел бы забыться
 В березняк, словно снег...
 До весны коротая,
 До весенних лучей,
 А потом бы растаял

И скатился в ручей.
 И не ведая боли
 И пустой суеты,
 Покатился б на воле,
 Подминая кусты
 С перепрелю лесного,
 С облетевшей хвоей!
 Чтоб все стало иное -
 Не мое и мое.
 Октябрь.

* * *

Я люблю облака
 И меж ними небес синеву,
 Когда гонит и гонит
 Куда-то их ветер...
 И они в поднебесье
 Плывут и плывут,
 Неизвестно зачем
 И ни в чем не нуждаясь совете.

* * *

Октябрьские дожди.
 Дороги - непролаз.
 Бумаги клочья,
 Втоптанные в грязь.
 Сарай,
 Точно мокрые цыплята,
 Под крылья льнут
 К нахохленным домам.
 И мокрый пес,
 Худой и некрасивый,
 То воеет, то скулит,
 И мокрой мордой
 В рогожу,
 Будто в мать,
 Все тычется и воеет...

* * *

За далями - дали,
 За хвоей - хвоя.
 Березки в медалях,
 Поляна да я,
 Да ветер осенний,

Бегущий в костер,
 Валежник горящий
 В дыму распростер.
 Осенние травы
 Шумят на ветру.
 Продрогшие тельца
 Кустарники трут
 И жмутся друг к другу,
 О чем-то шумя.
 И сумраком
 Полдень октябрьский примят.
 31, октябрь, 67.

ПЕСНЯ ТРАВЫ

Я была - зеленая,
 Я была - веселая,
 А теперь, как саваном,
 Снегом занесенная.
 31 октября-1 ноября, 67.

РУЧЕЙ

Бежит
 По камешкам ручей,
 Ни дня не ведая,
 Ни ночи...
 Он просто так себе,
 Ничей,
 Бежит
 И большего не хочет.
 И ни друзей,
 И ни врагов,
 И ничего ему не надо.
 Для всех найдется у него
 Необходимая прохлада.
 Он омывает
 Корни пням,
 Не спросит: прав или не прав ты?
 Бежит, звеня,
 Бежит, пенясь,
 Ни лжи не ведая,
 Ни правды.

* * *

Я каждый день
 Вокруг себя гляжу
 И вижу отраженье лиц
 На фоне этих дней и лет,
 Как кинокадры с полотна экрана.
 Вот проплывает предо мной
 Знакомое,
 И в то же время странно
 Чужое и далекое оно,
 С какой-то, до сих пор невиданной
 Чертой тоски,
 Пунктиром вписанной в глаза и губы...
 Ноябрь, 4, 67.

* * *

В белесый туман
 Перелесок одет.
 Листву золотую
 Кружит по воде
 И мелкой волною
 Вперед и вперед
 Уносит за дальний
 Речной поворот,
 Уносит, уносит
 Речная вода...
 Уносит не листья -
 Уносит года,
 И с ними -
 Бессонные ночи от дум,
 Печали былые,
 Былую беду.
 Ноябрь, 6.

* * *

В безбрежном куреве снегов,
 На фоне неба и земли
 Мне видится покой лесов,
 Как заколдованный прилив...

ВОРОНАЯ КОБЫЛИЦА

Вороная кобылица
 Бьет копытами о камень.
 Вороная очень злится -
 Недовольна седоками.
 Мундштуки грызет. До крови
 Поизранила все губы,
 И глаза косит сурово -
 Так ей всадники не любы.
 На ногах ее подковы,
 Грудь в железе, рот в железе!
 Разве ж надо ей такого?
 Сядет - слезет, сядет - слезет...
 Ей бы, может, в самом разе
 Пугачев иль Стенька Разин!

* * *

... И горечь тоненькими жальцами дрожит водою по колеям.

Но падают годы упрямо на память, следы засыпая твои.

Полями одежда бежит пустая...

Но ложились на душу, как прежде, заколдованные года...

И я ступаю, как в падь листопадную, в свои дни вхожу, как в сил

Голубоватых листьев на осине качался легкий шелест на весу.

* * *

Куда теперь - теплее да посуше?
 Пройти бочком, не узанным никем?..
 Но я недаром знаю
 Цену душам,
 Продрогшим
 На суровом сквозняке.

1968-69 г.

* * *

Опять на сердце
Омут странный
И учащенно-тяжкий
Гул.
Текут стихи,
Как кровь из раны.
Бегут и стынут...
И бегут.
И думы...
Как беде случиться
Непоправимой и большой?
И нет желания лечиться
Ничем:
Ни телом, ни душой.

* * *

Мне снился сон.
Приснился в детстве мне.
Он в памяти.
А память не слаба та.
Как будто я на вороном коне
Въезжал в страну стихов
Под тяжкий вопль набата.
На мне армяк мужицкий,
А в руке -
Не жезл, не нож,
Не свод приговорений,
А до сих пор не изданный никем
Посмертно
Том моих стихотворений.
Вокруг галдеж
И ожиданья зуд.
И начал я о доле человеческой.
И плавилась людская боль в грозу,
Иное все сметая и увеча.

* * *

О близком,
 Об утраченном,
 О давнем,
 Нисколько ничего не утая,
 Я расскажу тебе,
 Моя исповедальня,
 И в тишь и в бурю
 Спутница моя.
 Я расскажу,
 Как самое простое,
 О тяжелой драке
 Разума и чувств,
 Чтоб каждую
 Протопанной строкою
 Стать по уму для всех,
 Как по плечу.
 О радостях
 Прозрачных и туманных,
 Об океанах северной тоски,
 О не заживших ссадинах и ранах,
 Что жгут,
 Как аравийские пески.

* * *

Смеющиеся рты. Не люди, а гримасы,
 Глазeya на меня, стоят на берегу.
 А я на их глазах – беспомощною массой –
 Никак не утону и выплыть не могу.
 Но это только сон, но это только снится,
 Когда я сам с собой лежу, глаза смежив.
 И прошлое, как пыль, садится на ресницы,
 Года и дни идут - и так проходит жизнь.

БУДТО

Пою.
 И до рези в ушах
 не слышно голос мой.
 Так поет лишь душа
 или, освещенный факелом тоски
 в ночи
 кричит немой.
 Аплодисменты... Аплодисменты...
 Это аплодируют мне,

смещаются руки и лица.
Но я их только вижу, как во сне,
или как взмахи крыльев,
когда осенью улетают птицы.
Плачу,
а по щекам моим
вместо слез
только тени их скачут,
только видения.
Смеюсь, запрокидывая голову.
Смех жизнерадостен и искрист.
А рот почему-то не могу раскрыть,
будто кто запаял его оловом.
И получается,
что кипением звуков, слов и чувств
я внутри самого себя клокочу,
как котёл на огне,
на котором манометра нет.

* * *

Я когда-то знал человека.
Он не стар. Не дожил до седин.
И хотел на кулачки с веком
Выйти драться один на один.
Только не соизмерил силы.
И удара не ждал - под дых.
Подкосило его, подкосило,
Как потоком густой воды.
И, как щепку в весеннюю паводь,
Понесло по подводным камням...
А ведь он не умеет плавать,
И до грусти похож на меня,
Что аж тело мне этим разливом
Прожигает до самой кости.
Неужели ж я вслед боязливо,
Глухо крикну: «Бродяга, прости!»
Ты же многим прощал и не это,
Да и это простишь все равно...
Но в ответ засмеялась где-то
Моя жизнь, обнимаясь с волной.

* * *

В моих стихах
Осенний стылый шум,
Иль путник мнет

Дороги хлипкой жижу.
Но я о солнце
Изредка пишу
Лишь потому,
Что сам его не вижу.
Во мне душа
Сорокой на колу
Сидит, как спит
С закрытыми глазами.
И путь пролег
Под грустным светом лун,
Где в полночь
Тихо-тихо плачет заметить.
О чем она -
То плачет, то поет?
Нельзя понять.
Но в том многоголосье
Мне кажется
Минувшее мое,
Как втоптанное
В пахоту колосья.

СМЕШНАЯ ГРУСТЬ

Дождливая осень.
На исхудалых шейках стеблей -
колосья
ржи.
Вниз лицом.
Пустыми глазницами.
И мнится,
будто поздравили
с утерянной радостью,
сердцем которую ты давно пережил.
Или наносят запоздалые удары
за ошибки
полузабытые, старые,
безголосые.
Они - те же колосья,
зерна которых созрели
и осыпались по жнивью
в мокрую землю прошедшего,
в минувшую осень.
А за них, если и не возносят,
то и не бьют.

КОШМАРНЫЕ СНЫ

Все чаще и чаще я вижу
 кошмарные сны.
 Как будто был ранен смертельно,
 но выжил,
 и лишь потому,
 что мне раны лижут
 гибриды зверей лесных.
 Подходят, вроде,
 и снова уходят,
 проделывая это несколько раз.
 И будто это у них в моде -
 отвердевшие слезы точат из глаз.
 А я хочу их погладить,
 но рук не могу поднять,
 чтобы преодолеть треть пяди -
 расстояние от них до меня.
 И особенно мне делается тоскливо,
 но этой грусти другим не понять -
 это,
 когда участливо скосив глаз сливы,
 они сидят неподвижно и долго
 и глядят на меня.

* * *

Оплывают - как воск со свечи -
 Моей памяти давние боли.
 И душа уж не корчится боле.
 А глядит на огонь и молчит.
 Я, наверное, быстро старею.
 Чаще руки от холода тру.
 Даже грустное прошлое греет,
 Как костер на холодном ветру.
 Чуть заметно кривят усмешкой
 Бледных губ нездоровый излом
 И недавняя чья-то насмешка,
 И почти что забытое зло.
 Только я не измят, не измаян,
 Не лежу после странствий пластом.
 И нагар со свечи убирая,
 Освещаю не топлёный дом.

МОЯ РАДОСТЬ

Ближе, ближе, ближе...
 Слышны восторги в толпе.
 А ветер лицо мое лижет,
 Пылит и мешает мне петь.
 Я счастлив.
 Но только не вижу
 Тех, для кого пою.
 Резкий свет глаза мои выжжет,
 Как выжигает солнце
 Степные травы в июнь.
 Но я так люблю жизнь,
 И не хочу умирать -
 Боже, сохрани.
 И срывая цветы сердца,
 Бросаю их
 В раскаленную дорожную пыль,
 Чтоб люди прошли по ним.
 Пусть идут,
 Лепестки ломая
 И хрупкие стебли топча.
 Только бы молчала во мне
 Слепая и немая
 Моя печаль.

* * *

Нынче в полдень,
 Голубка слетела под наше окно.
 Видно, даже птице
 Становится грустно одной
 В поднебесье кружиться.
 Я вынес ей зерен
 И высыпал там,
 Где истоптана в корень трава.
 Но она не стала клевать,
 И вскоре ее поглотило осеннее небо,
 Его высота.
 О, вот так и ко мне бы,
 В полдень жизни уже пожелтый,
 Ты нежданно-негаданно
 Душу согреть прилетела!

* * *

Ночь.
 Подхваченный ветром,
 Чей-то свист улетает за гать
 Невидимой полоской,
 Но кажется, что голубою.
 Следом - тусклые вспышки.
 Это собачья нудьга.
 Плачет пес,
 Зацепившись за ветер губой.

Ночь.
 Ударился
 Где-то о воду остывший звук
 И, воды не расплескав,
 Качнулся на легкой волне.
 И собака, откусив кусочек ночи,
 Протяжно забылась во сне.

* * *

О жизнь,
 Скажи, куда же я иду:
 Дорога то сложна,
 То так, простая...
 И дни мои,
 Как первые снега,
 То упадут,
 То вдруг до капли стают.
 Я часто говорю себе:
 «Постой,
 Ты ж человеком создан, а не шпичем.
 Зачем же делать жизнь свою пустой
 И на любое эхо торопиться?»
 И отвечаю тут же сам себе:
 А может, там,
 Где нет меня сегодня,
 Дрожит душа, застывшая от бед,
 Как на морозе стынет новогоднем?
 И некому дыханьем губ согреть,
 И некому подать воды напиться...
 И тороплюсь -
 Скорей-скорей-скорей
 Туда, где ждут,
 Бездомным, старым шпичем.

НЕ КРИЧИ

Не кричи, не кричи,
 Не кричи, моя боль,
 Не кричи.
 Кто с тобою нам
 Жизнь нагадал:
 Ту, что есть,
 Что была и осталась.
 Словно филин в ночи,
 Во мне зорко былые года
 Стерегут,
 Чтоб когтями
 Схватить,
 Что прожить нам осталось.
 Я не знаю безумий
 Безумнее тех,
 Что сейчас...
 И печали не знаю
 Со всеми ее именами.
 Знаю только -
 Когда тебя бьют,
 То резвись, хохоча,
 Потому что
 Так принято, принято,
 Принято нами.

* * *

Уйти бы, уйти бы, уйти бы
 От счастья,
 От грусти смешной
 В пустыню,
 Где льдистые глыбы
 Тревожно
 Горят под луной.
 Забыть навсегда
 Пораженья,
 Грядущих побед
 Не испив.
 А рядом бы
 Тенью саженой
 Былое,
 Как пес на цепи,
 Беззвучно, бесшумно и молча,
 Сквозь множество
 Бедствий и бед,
 Душа чтоб взывая по-волчьи,
 Не знала пощады к себе.

* * *

Мне снился сон.
 В нем - тяжкий воздых
 О пройденном
 За столько лет...
 И будто я
 Поднялся в воздух,
 И нет мне места на земле.
 И в тучах
 Из цветного ситца
 Кружу,
 Кружу-кружу-кружу,
 Боясь на землю опуститься,
 В ее мятущуюся жуть,
 Где, раздирая рот в улыбке
 И плоть зудящую свою -
 Сонм масок,
 Призрачных и зыбких,
 В разноголосицу поют,
 Вопят и падают куда-то,
 Где дым, и копоть, и огни...
 И мир,
 Седой и бородатый,
 Глядит задумчиво на них.

* * *

Треплет ветер
 Сумятицу вьюг,
 И собаки,
 Устав, замолчали...
 Только я,
 Как безумец, пою
 В полыхающий саван печали.
 Я не знаю, услышит ли кто
 Этот вопль,
 Этот хрип бесполезный?
 Синим ртом
 Под седой темнотой
 Я дышу,
 Задержавшись над бездной.

КРЕСТ

Карандаш в руке.
 Припав на локоть,
 Я пишу, пишу, пишу, пишу
 О своей судьбине одинокой,
 Под нелепых слов
 Ненужный шум.
 Для чего -
 Не ведая-не зная,
 Под насмешки
 Диких апашей...
 Есть во мне
 Пробоина сквозная,
 От которой
 Тяжко на душе.
 Эта боль,
 Которой не измерить,
 Эта грусть,
 Которой не понять...
 Только знаю:
 Плакали б и звери,
 Угадав,
 Что в сердце у меня.
 Сколько лет
 В огне искал я броду,
 Бросив дым
 Родного очага,
 Что вот так -
 Без племени, без роду -
 Мне пришлось
 По жизни прошагать.

* * *

Дороги,
 Что мной уже пройдены,
 Смешались. Сместились.
 И только совсем немного,
 Как языки светилен,
 Какой-то тусклой порошею
 Качаются
 В бездонной лампаде прошлого.
 Что же это за русла путей?
 Может, те,
 По которым когда-то
 В нашу стылую хату

Пришла похоронная вместо солдата?
 Или - голод,
 Который вполз
 В наше полуглухое село,
 Право, трудно понять.
 Только смотрит и смотрит в меня
 Оставшееся в былом.
 А осталось в нем многое...
 Сиротское и босоное
 Детство. И раздумий не детская река.
 И братишка, уснувший навеки
 На маминых тонких руках.
 И еще многое,
 Что в памяти переплелось старыми дорогами.

* * *

Холодно...
 Накрыться б одеялом
 И закрыть-закрыть-закрыть глаза,
 Чтоб увидеть сон,
 Как в детстве, алый,
 И потом кому-то рассказать.
 Алых птиц
 Восходы и закаты,
 Алой пылью конники пылят.
 Ночью - алый дым
 Над жаркой хатой.
 Алый дождь в косичках ковыля.
 Алый стыд и алый смех и счастье,
 Алыми грядущие года.
 Только б со слезами не встречаться
 Алыми,
 Нигде и никогда.

ДУМЫ

Думы...
 Они никогда не покидают меня,
 Даже тогда,
 Когда я бездумно гляжу вдаль,
 Они бегут и бегут,
 Как по камням речная вода.
 Опадает ли осень лист,
 Бьет ли ветер траву неживую -
 Мое сердце болит,
 Будто вижу я не осень,

А подмятую душу живую.
 Мокрый пес заскулит на цепи -
 Прячу слезы в улыбке прогорклой.
 Все во мне задрожит, закипит
 И подкатится комом под горло.
 То увижу жучка на плече
 И тревожусь: а вдруг его сдует?
 Так вот и живу - неизвестно зачем,
 С вечной ношей бессонных раздумий.

* * *

Тихо-тихо...
 И кажется.
 Брось только лист
 В голубую стихию раздумий моих,
 В тот же миг
 Закипит сумасшедшими волнами
 Боль моих дум,
 Закипит, розовея и пенясь вдали.
 Не тревожь эту гладь.
 Пусть травую забвенья
 Ее берега зарастают,
 Чтоб бездонная мгла,
 Упаси и помилуй,
 На поверхность поднять не смогла
 Прошлых лет залежалого ила.

ПЕСНЯ БУРЬЯНА

Занемог голенастый бурьян
 От осенних чахоточных дней,
 Занемог, занемог...
 Стало б, что ли,
 Скорее уже холодней.
 Может, легче бы было
 Стоять на ветру,
 Под снегами, зимой,
 Чтоб не видеть страданий собратьев,
 Не умея им в горе помочь...
 Что не помнились дни
 Жизни,
 Ставшей и старой, и давней,
 Опрокинутой временем
 В белую зимнюю ночь.

* * *

Тише, тише, тише...
Не надо во мне пугать
Песню, которую, слышу,
Поет за окном выюга,
Светлую и большую
О дальней моей стране...
Не прикасайтесь, прошу я,
К этой печальной струне.
Вам ничего не стоит
Горечь мелодии та.
...Каплями жаркой крови
Выплачусь, к песне припав.

* * *

Сегодня на небе
Я видел багровый закат,
А ветер гудел
И раскачивал черные тучи.
И день угасал.
Только огненных два языка
Горели, сшибались,
Пылая стихией могучей.
И дождь оседал,
Будто что-то мешало ему,
Кровавой капелью.
На фоне закатного жара
Кружился, кружился...
Так кружится сонмище мух
Над сточною ямой,
Иль искры в ночи над пожаром.
А здесь, по земле,
Металлическим путом звеня,
Паслась лошаденка,
Уткнувшись в зеленую скатерть,
Не видя ни неба,
Ни бешеных вихрей огня,
Ни туч, что плясали
И бились вдали, на закате.

* * *

Вот и все, вот, пожалуй, и все.
Наш поселок листвою занесен.
Заметелен, как память, годами,
Которые так же, как лист, облетели,

И теперь только ждешь,
 Когда осень прошепчет: «Прощай».
 Уж нельзя выходить без плаща.
 Над полями, над рощами
 Серый качается дождь,
 И по крышам шурша,
 Убегает к реке, к камышам.
 Но еще неспонтанно
 Клубятся, клубятся
 Над заводью бело-синие тучки тумана.
 Кто-то, может, не хочет
 Глядеть в холодные долгие ночи
 И в лист, что дождями и ветром
 Вплотную к стеклу принесен.
 Только я душой полюбил все это,
 До священной глубины...
 Не словами, а именно ею,
 Душой полюбил.

* * *

Бывает, что не хочешь петь,
 Но поднимаешься на сцену,
 Чтобы кусок души толпе
 Отдать, как нечто, за бесценок.
 Но не страшись, певец, утрат,
 Иди и пой смелей и тверже!
 Страшись - мечту свою поправ,
 Искусство низвести до торжищ.
 Живи и пой. Живи и пой.
 Не выбирай, что интересней...
 И пусть твой голос над толпой
 Летит пророческою песней.
 И если даже суждено -
 Когда-то после или ныне -
 Что кровь поэта, как вино,
 С надорванной гортани хлынет,
 А ты один, совсем один,
 И где был друг - пустое место...
 Не кончив петь, не уходи.
 Допой,
 Хотя бы только жестом.

* * *

Не помню, кто, когда и где
 Сказал - в недавнем или в давнем -
 Что «лишь великие страдания
 Родят величие идей».
 Все может быть, все может быть...
 Но боль людская - тем не мене -
 Когда-то встанет на дыбы,
 Роняя под ноги каменья.

* * *

Сейчас хоть сколько бед перенося я...
 Но век грядет,
 И день, и час грядет,
 Когда на душу всей страны - России -
 Мой путь упреком горьким упадет.

* * *

Упаду, упаду,
 Поцелую родимый порог.
 Мне не стыдно:
 Пусть слезы бегут,
 Запекаясь в пыли.
 Я прополз на коленях
 Последние дюймы дорог,
 Хоронясь от прохожих,
 Чтоб спрятать,
 Как сердце болит.
 Мне сочувствий не надо,
 Потому что от них тяжелей,
 Чем от ран на коленях,
 Рассаженных о голыши.
 Моя жизнь подсказала,
 Что мир не способен жалеть.
 Хоронюсь же затем,
 Что мне некуда больше спешить.
 Я хотел одного лишь -
 Вернуться бы только живьем,
 Где в минувшем лишь только
 Мне видится радость да лад.
 Поклониться землице
 За горькое счастье мое,
 Поклониться могиле,
 Где та, что меня родила...

* * *

Передо мною –
В сизых лозах пень...
А за полоской лоз – как море – озимь.
И так мне радостно,
Что хочется запеть,
Но вместо песен
Выступают слезы.
Вот, торопясь,
Бежит куда-то жук.
Ага, он в дом,
И не стучится в двери.
А я гляжу на все, гляжу, гляжу,
И в горле сохнет,
И глазам не верю.
Я болен, околдован, глухо пьян?
О нет!
И я даю разгадку тайне:
Передо мною – родина моя
Вновь рождена
За столько лет скитаний.

* * *

Пусть жизнь моя
Темна и нелегка,
Пусть я сейчас для многих не потребен,
Но убежден, что буду жить в веках
Одной из звезд
В печальном русском небе.

ИЗ ЦИКЛА

«ЛИЦО СВЯТОЕ СВЕТЛОЕ ТВОЕ»

* * *

В память -
 Как в дождик руками -
 Хочется, хочется мне.
 Чистое-белое в памяти,
 Нежное - только лишь в ней...
 В моих стихах
 Так мало о любви...
 А если есть -
 То призрачно и робко.
 Но сколько лет,
 Мечту тоской обвив,
 Я к ней иду
 Не хоженою тропкой.
 Их сколько было -
 Знаю только я.
 Да сердца перепады, может,
 Подслушала увядшая хвоя,
 Вминаясь в зной
 В просоленную кожу.

* * *

Нынче ночью кричали опять петухи...
 Нынче ночью не спал я, подушку обняв,
 И глазам воспаленным, до рези сухим,
 Ты явилась, как с зеркала глядя в меня.
 Я тебя не узнал, я почти не узнал
 Твоих глаз, твоих губ, твоих розовых щек,
 Не просил, чтоб осталась со мной допоздна,
 Но молил молчаливо остаться еще
 На минуту всего, на минуту всего,
 Утолить мою боль, погасить тот огонь,
 Что уж столько ночей от зари до зари,
 Постепенно сжигая мне сердце, горит.

ЗЕЛЕННЫЕ ГЛАЗА

Больше всех
 Мне нравятся глаза
 Зеленые.
 А почему -
 И сам не знаю, право.
 Может быть, потому,
 Что они способны зеленеть
 У влюбленных
 И росинками слез искриться,
 Как луговые травы.
 Или ветер чувств
 Несет меня в круженье
 И я не знаю, куда лечу?
 А может, просто
 Я одной из женщин
 Такого большого мира,
 Маленькой и милой,
 Которую я видел только раз,
 Такой цвет глаз...
 Зеленый
 И такой... влюбленный-влюбленный.

* * *

Милая, милая, милая...
 Говоря о тебе,
 Я до хрипоты голос снижаю.
 Как выпавшее перо птицы,
 Кружа,
 Я хочу прикоснуться
 К твоим снам,
 И груди, и губам, и ресницам,
 Чтоб ничуть не мешать
 Твоим детским мечтаньям.
 Моя милая девочка, ...,
 Чтобы бурь моей жизни
 Не могла бы услышать
 Твоя неземная душа.
 Но ветры судьбы
 Все сильнее заметают
 Увядшими листьями дней
 Мою явь, мою боль, мою боль,
 Все во мне заметает,
 Как декабрьский прикамский мятущийся снег.

* * *

Что-то ты
Мне перестала сниться.
В этой пляске
Снега и хвои
Я хочу,
Чтобы твои ресницы
Прикоснулись
Ласково к моим.
И в мои
Легли твои ладони,
Чтоб от этих
Долгих нояблей
И от этой хмурости чалдоньей
Хоть немного
Душу отогреть.
Милая, мне кажется чего-то,
Будто...
Будто я схожу с ума,
Потому что ветра тихий хохот
Выхожу ночами обнимать,
И упав лицом
В метельный ворох,
Как слепой,
Не видя никого,
Все ищу, ищу чего-то споро,
Глядя снег
Холодный и тугой.

* * *

О, это будет -
Самый светлый миг,
Когда, почти сведя
Игру с судьбою,
Возьму
Из запыленной стопки книг
Одну из тех,
Что писана с тобою,
Но не читать,
А так - поворошить
Ее полузабытые страницы...
Возможно, вновь
Былое для души,
Как детский сон,
Как легкий сон, приснится.
И вспомнятся мне первые слова,

И трепет рук,
И слезы на ресницах...
И грудь твою,
Что робко целовал,
И все, о чем молчу,
Пусть все приснится.

* * *

Считаю вновь до десяти...
А путь - трудней,
А ветер - крепче,
И некто шепчет:
«Брось идти,
Куда, зачем?» -
Все шепчет, шепчет...
И кажется - не снег огнем
Слетает в пепельные щеки,
А закружилось воронье
В степи, над телом одиноким.
И сон тягуч, неодолим -
Уносит в стылую пустыню.
И вдруг я вижу свет вдали -
То засветилось твое имя.
И пусть метет,
Пушкой вьюжит
И валится на плечи вечер...
Теперь я знаю -
Должен жить,
Чтобы идти тебе навстречу.

* * *

Милая,
Все чаще меня
Что-то душит.
Мысли холодные
Голову,
Как снега поля, замели.
Тридцать семь лет
В бушующем океане мира
Я ищу суши,
Островок -
В два метра земли.
Дни сменялись ночами,
Годами сменялись года,
На оставленном мною причале -
Мрак и ветер.

И сквозь пену раздумий
Сигнальных огней не видать,
И надежды потушен маяк,
Для меня он не светит.
Дорогая моя,
Если горькую весть
Принесут обо мне,
Знай, они не солгут.
Только знай и другое:
Что в трудные дни
От тебя я уйти не смогу.

* * *

Смеясь, отцеловав,
Ты тут же грустной стала,
И дальше снова так -
То радуясь, то нет.
Не верь, не верь словам,
Поверь глазам усталым,
Печальной складке губ
И ранней седине.
Для тех, кто в жизни знал
Удары и паденья,
Не может быть любви,
Придуманной на раз.
Не верь, не верь словам.
Сердечным заблужденьям,
А верь в святую грусть
Прямых усталых глаз.

* * *

Скажи мне что-нибудь, скажи,
Пусть голос твой и слаб и робок...
Я все равно пойду сквозь жизнь
С одной тобою,
И бок о бок.
Печальна ты или светла -
Была б открытой глуби души бы,
Чтоб мог я сердце подостлать...
И врачевать твои ушибы.
Отринь сомненья, отгони
Совсем ненужные печали.
Они, как дальние огни,
С зарей потухнут на причале.

* * *

Гляди, пока я жив,
 Пока ты слышишь тихие слова
 Полупризнанья
 И безгрешной лжи,
 Пока я губ печальную усталость
 Могу до изнеможенья целовать.
 Пока я пью вино...
 Чему виной -
 Тоска,
 Что от прошедших дней осталась,
 Пока могу рыдать -
 Рыдать, рыдать сквозь смех
 В душе, в самом себе,
 Бросая вызов миру и судьбе.

* * *

Среди развалин и камней
 Седое время стынет, стынет.
 И ты совсем одна ко мне
 Идешь сквозь зыбкий шум пустыни,
 Усталости наперекор,
 Забыв о вечности начале.
 В глазах не слезы, не укор,
 А бесконечный гимн печали.
 Иди ко мне, иди, иди...
 Отвергни ропот человеческий.
 Я жду всегда, я жду один,
 Чтобы тебя увековечить.

* * *

Молю тебя, не надо наставлений
 В любви, в искусстве, в глупости идей,
 В минуты творчества,
 В блаженстве праздной лени -
 Не торопи, не искушай, не бей!
 Я все пройду от слова до расплаты.
 Не хлопочи, не майся надо мной!
 Я даже смерть хочу принять без постулатов,
 Но и прожить хочу - как мне дано.

* * *

Сквозь дым тоски и злую замуть окон
 Я вижу тебя ясной и нагой.
 Но ты во мне, чужом и одиноком,
 Сквозь призму дней
 Не видишь ничего.
 Ужель секрет лишь в тайне свето-тени...
 Ужель мир так расплывчат и делим,
 Что в суете исканий и смятений
 Растворюсь тенью пляшущей вдаль?
 Но воскрешает вновь судьбы причуда
 Твою мечту.
 И пляшет дождь гурьбой,
 И я опять, как вышедший из чуда,
 Как зов души,
 Стою перед тобой.

* * *

Дай мне слово,
 Если в смуте дней
 Я уйду отвергнут, не целован,
 Никому ни слова обо мне -
 Никогда не говори ни слова.
 Если спросит кто-то - то скажи,
 Что однажды летом, на причале,
 Я кому-то плел про миражи,
 А потом... Потом мы не встречались.
 Что умом я, в сущности, протак,
 Несколько не сдержан, инфантилен,
 Что стихи писал - но просто так:
 Мне за них ни цента не платили.
 Говори, что цель моя пуста,
 До постыдной жалкости нагая,
 И еще скажи, что я устал,
 От себя по жизни убегаю.

* * *

Уходит старое, как сгорбленный ворчун,
 В забвенье, в море времени. И что же?
 Гляжу куда-то мимо и молчу.
 Лишь памяти река молчать не может.
 Ах, эта память... Ропщет. Но о чем?
 Вот чей-то взгляд и горечь губ припухлых.
 Вот осень - увяданья кумачом

Заполыхала в утро и потухла...
 Потом совсем-совсем чужие лица,
 Что станут близкими на много зим и дней,
 С которыми придется мне делиться
 Утратами и индევью огней.
 И вдруг - провал...
 Дорога - не дорога.
 И так - до этих пор, до этих мет.
 И лишь глаза твои
 Прощально, грустно, строго
 Глядят в меня
 Сквозь расстыковку лет.

* * *

Не говори мне сложно.
 Лучше - проще.
 И слов ненужных по ветру не вей.
 Ведь падает же в осень лист по роше,
 И дождь шумит по высохшей траве,
 Как первый снег,
 Что прилетит, растаяв,
 Как тонкий лед,
 Что хрустнет от руки...
 Будь, как они - такая же простая,
 Обычаем затертым вопреки,
 Чтоб мог и я,
 Когда на сердце ветер,
 И от житейской стыни не до сна,
 Уйти в тебя,
 Забыв про все на свете,
 Уйти в тебя,
 Когда ты вся - весна.

* * *

Давай останемся вдвоем,
 Измажем лица земляникой.
 Ты мне расскажешь о своем,
 А может, просто небылицу:
 Об увлеченьях, куражах,
 Чтоб все явилось как во сне бы...
 А можно просто полежать,
 Уставясь в синий полог неба.
 Потом в зеленой лебедь
 Как будто бы задремлешь даже...
 А я тихонечко тебе,
 Как тихий ветер, грудь поглажу.

Ты будешь в яви, как во сне
 Лежать, как девочка-подросток.
 Лишь сердце тукнет чуть сильнее...
 И будет нам светло и просто.

* * *

Как странно,
 Что в полуугасшем теле
 Мерцает искрой торжество минут...
 Пустыни лет,
 Барханы и метели
 В моей душе
 Твой след не заметут.
 Когда уйду
 Один по бездорожью,
 Когда уйду к закраине пути,
 Пусть знают все,
 Что даже смерть не сможет
 Мою любовь
 С собою унести.

* * *

«Не надо прошлого», - ты как-то мне сказала.
 Зачем же так? Зачем сказала мне?
 Все пропахал. И вот я у вокзала.
 Ни настоящего, ни будущего нет.
 Я сяду в поезд и махну рукою.
 За окнами забвенья поплывет.
 Прощай, зима! Но навсегда со мною
 Моя любовь - нетленное мое.
 И если вновь сквозь версты бездорожий
 Разверстнется ненастий окоем,
 Мне заслонит судьбы косую рожу
 Лицо святое, светлое твое.

СОДЕРЖАНИЕ

Сотворение себя	4
Из «небыли»	10
Из лагерных дневников:	
1966-67 г.	13
1968-69 г.	19
Из цикла «Лицо святое светлое твое»	35

Сопин Михаил Николаевич

**НА ЧЕРНЫХ
СКАЛАХ
БЫТИЯ**

1966-1979 г.г.

Объем - 44 стр.
Формат - 148x210
Тираж свободный

sopin70@yandex.ru

Вологда, "Свеча",
2007